

69.

ЕЖ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

№ 1
1928

П 28
107

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЁЖ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ОРГАН ЦБ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ И ГЛАВСОЦВОСА

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЯНВАРЬ 1928

СОДЕРЖАНИЕ

ОЗОРНАЯ ПРОБКА. Рассказ Д. Баш, рис. Е. Сафоновой . . .	1
КТО ЭТО? Стихи Натана Венгрова, рис. Т. Шишмаревой . . .	4
«ПУДЯ». Рассказ Бориса Житкова, рис. Н. Тырсы	5
ОТРЯД. Стихи С. Маршака, рис. Н. Тырсы	14
КИТАЙСКИЕ ДЕТИ, КИТАЙСКИЕ ПИОНЕРЫ, КИТАЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.	17
ЛЕНИН. Статья А. Гринберг	18
ЧТО, ГДЕ, КАК СТРОИТСЯ	23
КОШКИ В ЛУКОШКЕ. Стихи К. Чуковского, рис. Е. Морозовой	24
В ЛЕСУ ЗИМОЙ. Очерк Лесника, рис. Е. Морозовой	25
ИВАН ИВАНОВИЧ САМОВАР. Стихи Д. Хармса, рис. В. Ермо- лаевой.	28
СЕМЬ ЗАГАДОК. М. Ильина, рис. Н. Лапшина	30
ОТГАДАЙ! Стихи А. Насимович и С. Федорченко.	30
КОРАБЛЬ НА КОЛЕСАХ. М. Ильина, рис. М. Л.	31
ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ	32

Рассказ Д. Углова „МАЛЕНЬКИЙ ТАРАС“ будет напечатан в „ЕЖЕ“ № 2

ОЗОРНАЯ ПРОБКА

Рассказ.

В 124-м Детском доме ровно в восемь часов вечера зазвонил колокол.

Ужинать. Ужинать. Ужинать. Ужинать.

Девчонки и мальчишки бежали вниз по лестнице в столовую. С криком и топотом и хохотом каждый занимал свое место.

Сегодня на кухне дежурят Арбузов и Рубакин, а также учитель Павел Карлович или Палкарлыч.

Когда все расселись, Палкарлыч сказал:

— Сегодня на ужин вам будет суп с клецками.

Арбузов и Рубакин внесли котел, поставили его на табурет и подняли крышку. Палкарлыч подошел к котлу и начал выкрикивать имена.

— Иван Мухин.

— Нина Веревкина.

— Федул Карапузов.

Выкрикаемые подходили. Арбузов наливал им в тарелку суп, а Рубакин давал булку. Получавший то и другое шел на свое место.

— Кузьма Паровозов, — кричал Палкарлыч.

— Михаил Топунов.

— Зинаида Гребешкова.

— Громкоговоритель.

(Громкоговорителем звали Сережку Чикина за то, что он всегда говорил во весь дух, а тихо разговаривать не мог.)

Когда Сережка-Громкоговоритель подошел к Палкарлычу — вдруг стало темно.

— Электричество потухло, — закричали на разные голоса.

— Ай, караул, — закричал Громкоговоритель. Кто на меня суп вылил. Я не тарелка.

— Тише, сидите на местах, — кричал Палкарлыч.

— Отдай мне мою булку, — кричала Зинаида Гребешкова.

Но тут стало опять светло.

— Электричество загорелось, — закричал Кузьма Паровозов.

— А я весь в супе, — кричал Громкоговоритель.

— Тише, тише, садитесь по местам, — успокаивал всех Палкарлыч.

Когда немного поуспокоились, Палкарлыч опять начал выкрикивать:

— Петр Сапогов.

— Мария Гусева.

— Николай Пнев.

На другой день, вечером, когда Палкарлыч показывал детям новое гимнастическое упражнение, вдруг стало опять темно.

Федул Карапузов, Нина Веревкина и Николай Пнев, повторяя движения Палкарлыча, поскользнулись в темноте и упали на пол. Кругом уже кричали:

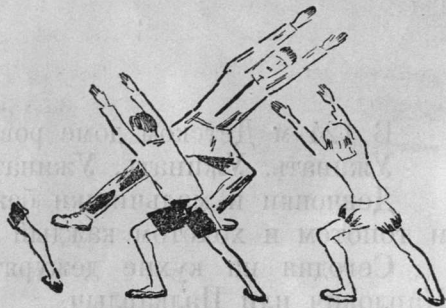
— Опять потухло! Опять потухло!

— Принесите лампу!

— Сейчас загорится...

И действительно электричество опять загорелось.

— Тут что-то неладно, — сказал Палкарлыч. — Ты, Мухин, и ты, Громкоговоритель, сбегайте в соседний дом и узнайте: если там электричество не тухло как у нас, то надо будет позвать завтра монтера.

Мухин и Громкоговоритель убежали и скоро вернувшись сказали, что кроме как в Детском доме электричество не тухло.

На третий день, с самого утра, по всему Детскому дому ходил монтер с длинной двойной лестницей-стремянкой. Он в каждой комнате ставил стремянку, влезал на нее, шарил рукой по потолку, по стенам; зажигал и тушил разные лампочки, потом зачем-то бежал в прихожую, где над вешалкой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Следом за монтером ходили несколько мальчишек и с любопытством смотрели, что он делает. Наконец монтер, собираясь уходить, сказал, что пробки были не в порядке и от легкой встряски электричество могло тухнуть. Но теперь все хорошо и по пробкам можно бить хоть топором.

— Прямо так и бить? — спросил Петр Сапогов.

— Нет это я пошутил, — сказал монтер, — но во всяком случае теперь электричество не погаснет.

Монтер ушел. Пробило 2 часа, потом 3, потом 4, потом 5, потом 6, потом 7, потом 8.

— Ну, — говорил Палкарлыч, — сегодня мы не будем сидеть в темноте. У нас были пробки не в порядке.

— А что такое пробки? — спросила Мария Гусева.

— Пробки, это их так называют за их форму. Они...

Но тут электричество погасло, и стало темно. Через минуту оно опять загорелось, так же, как и вчера и позавчера.

На четвертый день позвали другого монтера. Новый монтер осмотрел провода, пробки и счетчик, слезил на чердак и сказал, что теперь-то уж все в исправности.

Вечером, около восьми часов, электричество потухло опять.

На пятый день электричество потухло, когда все сидели в клубе и рисовали стенгазету. Зинаида Гребешкова рассыпала коробочку с кнопками. Михаил Топунов кинулся помогать ей собирать кнопки, но тут-то электричество и погасло, и Михаил Топунов с разбега налетел на столик с моделью деревенской избы-читальни. Изба-читальня упала и разбилась. Принесли свечу, чтобы посмотреть, что произошло, но электричество загорелось.

На шестой день, в стенгазете 124-го Детского дома появилась картинка. На ней были нарисованы человечки, стоящие с растопыренными руками и падающий столик с маленьким домиком. Под картинкой была подпись:

Электричество потухло
Раз, два, три, четыре, пять.
Только свечку принесли —
Загорелось опять.

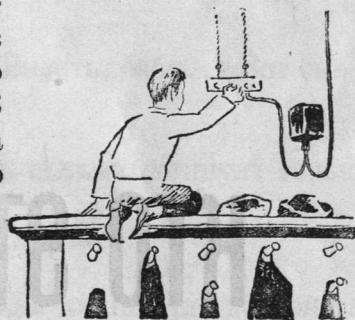
Но, несмотря на это, вечером электричество все-таки потухло.

На седьмой день, в 124-й Детский дом приезжали какие-то люди. Палкарлыч водил их по дому и рассказывал о капризном электричестве. Приезжие люди записали что-то в записные книжки и уехали.

Вечером электричество потухло.
Ну что тут поделаешь.

На восьмой день, вечером, Сергей Чикин, по прозвищу Громкоговоритель, нес линейку и бумагу в рисовальную комнату, которая помещалась внизу около прихожей. Вдруг Громкоговоритель остановился. В прихожей, через раскрытую дверь, он увидел Петра Сапогова. Петр Сапогов, на цыпочках, то и дело оглядываясь по сторонам, крался к вешалке, над которой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Дойдя до вешалки, он еще раз оглянулся и, схватившись руками за вешалочные крючки, а ногами упираясь о стойку, быстро влез наверх и повернул одну пробку. Все потухло: Во втором этаже слышался визг и крик.

Минуту спустя электричество опять зажглось, и Петр Сапогов спрыгнул с вешалки.

— Стой, — крикнул Громкоговоритель, бросая линейку и хватая за плечо Петьку Сапогова.

— Пусти, — сказал Петька Сапогов.

— Нет, не пущу. Это ты зачем тушишь электричество?

— Не знаю, — захныкал Петька Сапогов.

— Нет врешь! Знаешь, — кричал Громкоговоритель. — Из-за тебя меня супом облили. Шпана ты этакая.

— Честное слово, тогда не я тушил электричество, — завертелся Петька Сапогов. — Тогда оно само тухло. А вот когда монтер сказал, что по пробкам хошь топором бей — ничего, я вечером и попробовал одну пробку ударить. Рукой, слегка. А потом взял ее да повернул. Электричество и погасло. С тех пор я каждый день тушу. Интересно. Никто починить не может.

— Ну и дурак, — сказал Громкоговоритель. — Смотри у меня: если еще раз потушишь электричество, я расскажу всему классу. Мы устроим товарищеский суд, и тебе не поздоровится. А пока, чтобы ты помнил, получай, — и он ударил Петьку Сапогова в правую лопатку. Петька Сапогов пробежал два шага и шлепнулся, а Громкоговоритель поднял бумагу и линейку, отнес их в рисовальную комнату и, как ни в чем не бывало, пошел наверх.

На следующий, на девятый день, Громкоговоритель подошел к Палкарлычу.

— Товарищ учитель, — сказал он, — разрешите мне починить электричество.

— А ты разве умеешь, — спросил Палкарлыч.

— Умею.

— Ну валяй, попробуй, никому не удавалось, авось тебе удастся.

Громкоговоритель побежал в прихожую, влез на вешалку, поковырял для вида около счетчика, постучал мраморную дощечку и слез обратно.

И что за чудо! С того дня в 124-м Детском доме электричество горит себе и не тухнет.

Д. Баш.

КТО ЭТО?

Сушеных грибов —

До теплых деньков;

Орешков куча —

На всякий случай:

Дупло во мху,

Сама в меху!

Натан Венгров.

ПУДЯ

Рассказ.

I

Теперь я большой, а тогда мы с сестрой были еще маленькие. Вот раз приходит к отцу какой-то важный гражданин. Страшно важный. Особенно шуба. Мы подглядывали в шелку, пока он в прихожей раздевался. Как распахнул шубу, а там желтый пушистый мех и по меху все хвостики, хвостики. Чернотенькие хвостики. Как будто из меха растут. Отец раскрыл в столовую двери:

— Пожалуйста, прошу.

Важный — весь в черном и сапоги начищены. Прошел, и двери заперли.

Мы выкралась из своей комнаты, подошли на цыпочках к вешалке и гладим шубу. Шуаем хвостики. В это время приходит Яшка, соседский мальчишка, рыжий. Как был: в валенках вперся и в башлыке.

— Вы что это делаете?

Таня держит хвостик и спрашивает тихо:

— А как по-твоему: растет так из меха хвостик или потом приделано?

А рыжий орет, как во дворе:

— А чего? Возьми да попробуй!

Таня говорит:

— Тише, дурак, там один важный пришел.

Рыжий не унимается:

— А что такое? Говорить нельзя? Я не ругаюсь!

С валенок снег не сбил и следит мокрым.

— Возьми да потяни и будет видать! Дура какая. Видать, бабу... Вот он — так сейчас! — и Рыжий кивнул мне и мигнул лихо.

Я сказал:

— Ну да, баба, — и дернул за хвостик. Не очень сильно потянул: только начал. А хвостик — пак! и оторвался.

Танька ахнула и руки сложила. А Рыжий стал кричать:

— Оторвал! оторвал!

Я стал совать скорей этот хвостик назад в мех, думал как-нибудь да приста-нет. Он упал и лег на пол. Такой пушистенный лежит. Я схватил его, и мы все побежали к нам в комнату.

Танька говорит:

— Я пойду к маме, реветь буду, ничего, может, и не будет.

Я говорю:

— Дура, не смей. Не говори! Никому не смей!

Рыжий смеется, проклятый. Я сую хвостик ему в руку.

— Возьми, возьми, ты же говорил...

Он руку отдернул:

— Что ж, что говорил? Не я рвал, мне какое дело!

Подтер варежкой нос и в двери.

Я Таньке говорю:

— Не смей реветь, не смей, а то сейчас спрашивать начнут, и все пропало. Она говорит и вот-вот заревет:

— Пойдем посмотрим, может быть, незаметно. Вдруг незаметно!

Я держал хвостик в кулаке. Мы пошли к вешалке, и вот ровно, ровно идут хвостики, довольно густовато, а тут пропуск, пусто. Видно, сразу видно, что не хватает.

Я вдруг говорю:

— Я знаю: приклеим!

А клей у папы на письменном столе и если будешь брать, то непременно спросит: зачем? А поглом там в кабинете сидит этот важный, и входить нельзя.

Танька говорит:

— Запрячем, лучше запрячем, только скорей. Подальше. В игрушки.

У Таньки были куклы, кукольные кровати. Нет, туда нельзя. И я засунул хвостик в поломанный паровоз в середину.

— А мы, — говорю, — будем играть. Мы играем. Просто играем в игрушки. В гости.

И мы взялись за кукол и очень примерно играли в гости, как будто бы на нас все время кто смотрит, а мы показываем, как мы хорошо играем.

В это время слышим голоса. Важный гудит басом. И вот уж они в прихожей, и горничная Фрося затопала мимо и говорит скоренько:

— Сейчас, сейчас шубу подам.

Мы так с куклами и замерли, еле руками шевелим.

Таня дрожит и бормочет за куклу:

— Здравствуйте. Как вы поживаете? Сколько вам лет?.. Как вы поживаете? Сколько вам лет?

Вдруг дверь к нам отворяется: отец распахнул.

— А вот это, — говорит, — мои сорванцы.

Важный стоит в дверях, черная борода круглая, мелким барашком, и улыбается толстым лицом:

— А! молодое поколение.

Ну, как все...

А за ним стоит Фроська и держит шубу нараспашку. Отец нахмурился, мотнул нам головой.

Танька сделала кривой реверанс, а я что было силы шаркнул ножкой.

— Играете, — сказал важный и вступил в комнату. Присел на корточки. Взял куклу. И я вижу в дверях дура Фроська стоит и растянула шубу, как будто нарочно распахнула и показывает. И это пустое место без хвостика так и светит. Важный взял куклу и спрашивает:

— А эту барышню как же зовут?

Мы оба крикнули в один голос:

— Варя!

Важный засмеялся:

— Дружно живете.

И видит вдруг у Таньки слезы на глазах.

— Ничего, ничего, говорит, — я не испорчу.

Подал пальчиками куклу. Поднялся и потрепал Таню по спине.

Он пошел прямо к шубе, но смотрел на отца и не глядя стал попадать в рукава. Запахнул шубу, Фроська подсовывает глубокие калоши.

Не может быть, чтоб отец не заметил. Но отец очень веселый вошел к нам и сказал, смеясь:

— Зачем же таким конем?

И представил, как я шаркнул.

II

В этот день мы с Танькой про хвостик не говорили. Только когда пили вечером чай, то все переглядывались через стол, и оба знали, что про хвостик. Я даже раз, когда никто не глядел, обвел пальцем на скатерти, как будто хвостик. Танька видела и сейчас же уткнулась в чашку.

Потом мне стало весело. Я поймал Ребика, нашу собаку, зажал ему хвост в кулак, чтоб из руки торчал только кончик, и показал Таньке. Она замахала руками и убежала.

На другой день, как проснулся, вспомнил сейчас же хвостик. И стало страшно: а ну как важный только для важности в гостях и не глядит даже на шубу, а дома-то, небось, каждый хвостик проглаживает. Даже наверно наизусть знает, сколько их счетом. Гладит и считает: раз—два, три—четыре... Я вскочил с постели, побежал к Таньке и шепчу ей под одеяло в самое ухо:

— Он наверно дома пересчитает хвостики и узнает. И пришлет сюда человека с письмом. А то сам придет.

Танька вскочила и шепчет:

— Чего ж там считать, и так видно: вот такая пустота, — и обвела пальцем в воздухе.

Мы на весь день притихли и от каждого звонка прятались в детскую и у дверей слушали: кто это, не за хвостиком ли? Несколько дней мы так боялись.

А потом я говорю Таньке:

— Давай посмотрим.

Как раз никого в квартире не было, кроме Фроськи. Заперли двери, и я тихонько вытянул из паровоза хвостик. Я и забыл совсем, какой он хорошенький, пушистенький.

Таня положила к себе на колени и гладит:

— Пудя какой, — говорит. — Это собачка кукольная.

И верно. Хвостик в паровозе загнулся и совсем будто собачка свернулась и лежит с пушистым хвостом.

Мы сейчас же положили его на кукольный диван, примерили. Ну замечательно!

Танька закричала:

— Брысь, брысь сейчас! Не место собакам на диване валяться, — и скинула Пудю. А я его Варьке на кровать.

А Танька:

— Кыш-кыш! Вон, Пудька! Блох напустишь...

Потом посадили Пудю Варьке на колени и любовались издали: совсем девочка с собачкой.

Я сейчас же сделал Пуде из тесемочки ошейник, и получилось совсем как мордочка. За ошейник привязали Пудю на веревочку и к Варькиной руке. И Варьку водили по полу гулять с собачкой.

Танька кричала:

— Пудька! Тубò!

Я сказал, что склею из бумажек Пуде намордничек. У нас была большая коробка от гильз. Сделали в ней дырку, Танька намостила тряпок и туда посадили Пудю, как в будку. Когда папа позвонил, мы спрятали коробку в игрушки. Забросали всяким хламом.

Приходил к нам Яшка рыжий, и мы клали Пудю Ребику на спину и возили по комнате — играли в цирк. А раз, когда Рыжий уходил, он нарочно при всех стал в сенях чмокать и звать:

— Пудя! Пудька! — и хлопал себя по валенку.

Прибежал Ребик, а Яшка при папе нарочно кричит:

— Да не тебя, дурак, а Пудю. Пудька! Пудька!

Папа нахмурился:

— Какой еще Пудька там? — и осматривается.

Я сделал Яшке рожу, чтобы

уходил. А он мигнул и язык высунул. Ушел все-таки.

Мы с Таней сговорились, что с таким подлюгой не будем играть и водиться не будем. Пусть придет, мы в своей комнате запремся и не пустим. Я забил сейчас же гвоздь в притолоку, чтобы завязывать веревкой ручку. Я завязал, а Таня попробовала из прихожей. Здорово держит. Потом Танька запиралась, а я ломился: никак не открыть. Как на замке. Радовались, ждали — пусть только Рыжий придет.

Я Пуде ниточкой замотал около хвостика, чтобы хвостик отделялся. Мы с Таней думали, как сделать ножки, тогда совсем будет живой.

А Рыжий на другой же день пришел. Танька прибежала в комнату и шопотом кричит:

— Пришел, пришел!

Мы вдвоем дверь захлопнули как из пушки и сейчас же на веревочку.

Вот он идет... Толкнулся... Ага! Не тут-то было. Он опять!

— Эй, пустите, чего вы...

Мы нарочно молчим. Он давай кулаками дубасить в дверь:

— Отворяй! Танька!

И так стал орать, что пришла мама.

— Что у вас тут такое?

Рыжий говорит:

— Не пускают, черти.
— А коли черти, — говорит мама, — так зачем же ты к чертям ломишься?
— А мне и не их надо, — говорит Рыжий, — я Пудю хочу посмотреть.
— Что? — мама спрашивает. — Пудю? Какого такого?
Я стал скорей отматывать веревку и раскрыл дверь.
— Ничего, — кричу, — мама, это мы так играем! Мы в Пудю играем. У нас игра, мама, такая...

— Так орать-то на весь дом зачем? — и ушла.

Рыжий говорит:

— А! вы дьяволы вот как! Запираться! А я вот сейчас пойду всем скажу, что вы хвостик оторвали. Человек пришел к отцу в гости. Может даже по делу какому. Повесил шубу, как у людей, а они рвать, как собаки! Воры!

— А кто говорил: дерни, дерни!

— Никто ничего и не говорил вовсе, а если каждый раз по хвостику, да по хвостику, так всю шубу выщипаете!

Танька чуть не ревет:

— Тише, — говорит, — Яша, тише!

— Чего тише, — кричит Рыжий, — чего мне тише? Я не вор! Пойду и скажу.

Я схватил его за рукав:

— Яша, — говорю, — я тебе паровоз дам. Это ничего, что крышка отстала. Он ходит полным ходом, ты же знаешь.

— Всякий хлам мне суешь, — заворчал Рыжий.

Но хорошо, что кричать-то перестал. Потом поднял с полу паровоз.

— Колесо, — говорит, — проволокой, сволочь, замотал и тычешь мне.

Посопел, посопел:

— С вагоном, — говорит, — возьму, а так — на чорта мне этот лом!

Я ему в бумагу замотал и паровоз и вагон, и он сейчас же ушел через кухню, а в дверях обернулся и крикнул:

— Все равно скажу, хвостодеры!

Потом мы с Таней гладили Пудю и положили его спать с Варькой под одеяло.

Танька говорит:

— Чтоб ему теплей было.

Я сказал Таньке, что Рыжий все равно обещал сказать. И мы все думали, как нам сделать. И вот что выдумали:

— Самое лучшее. Попасть бы в такое время, когда папа будет веселый; после обеда что ли. Положить Пудю на платочек, на носовой, взять за четыре конца и войти в столовую каким-нибудь смешным вывертом. И петть что-нибудь смешное приэтом. Как-нибудь:

*Пудю несем.
Пахнет гусем.*

И еще там что-нибудь.

Все засмеются, а мы еще больше запоем и к папе. Папа: «Что это вы, дураки?» и засмеется. А тут мы как-нибудь кривульно расскажем, и все сойдет. Папе, наверно, даже жалко будет отбирать от нас Пудю.

Или вот еще: на Ребика положим и вывезем. И тоже смешное будем петть. Рыжий придет ябедничать, а все уж и без него знают, и ничего не было. Запремся, как тогда, и пускай скандалит. Мама его за ухо выведет, вот и все.

Я еще в кровати думал, что я устрою Яшке Рыжему.

III

Утром мы все пили чай. Вдруг вбегает Ребик, рычит и что-то в зубах треплет. Папа бросился к нему.

— Опять что-нибудь! Тубò! тубò! Дай сюда.

А я сразу понял что, и в животе похолодело.

Папа держит замусоленный хвостик и, нахмурясь, говорит:

— Что это? Откуда такое?

Мама поспешила, взяла осторожно пальчиками. Ребик визжит, подскакивает, хочет схватить.

— Тубò! — крикнул папа и толкнул Ребика ногой. Поднесли к окну, и вдруг мама говорит:

— Это хвостик! Это от шубы!

Папа вдруг как будто задохнулся сразу и как крикнет:

— Это чорт знает что такое!

Я вздрогнул. А Танька всхлипнула — она с булкой во рту сидела.

Папа затопал к Ребику.

— Эту собаку убить надо! Это дьявол какой-то!

Ребик под диван забился...

— Раз уж пришлось за штаны платить... ах ты дрянь этакая. Теперь шубу, за шубы взялся!

И папа вытянул за ошейник Ребика из-под дивана. Ребик выл и корчился. Знал, что сейчас будут бить. Танька стала реветь в голос. А отец кричит мне:

— Принеси ремень. Моментально!

Я бросился со стула, совался по комнатам.

— Моментально! — заорал отец на всю квартиру злым голосом. — Да свойними, болван. Живо!

Я снял пояс и подал отцу. И папа стал со всей силы драть ремнем Ребика. Танька выбежала. Папа тычет Ребика носом в хвостик — он на полу валялся — и бьет, бьет:

— Шубы рвать! Шубы рвать! Я те дам шубы рвать!

Я даже не слышал, что еще там папа говорил — так орал Ребик: будто с него с живого шкуру сдирают. Я думал — вот умрет сейчас. Фроська в дверях стояла, ахала.

Мама только вскрикивала.

— Оставь! убьешь! Николай! убьешь! — Но сунуться бсялась.

— Веревку! — крикнул папа. — Афросинья, веревку!

— Не надо, не надо, — говорит Фроська.

Папа как крикнет:

— Моментально!

Фроська бросилась и принесла бельевую веревку.

Я думал, что папа сейчас станет душить Ребика веревкой.

Но папа потащил его к окну и привязал за ошейник к оконной задвижке. Потом поднял хвостик, привязал его на шнурок от штор и перекинул через оконную ручку.

— Пусть видит, дрянь, за что драли. Не кормить, не отвязывать.

Папа был весь красный и запыхался.

— Эту дрянь нельзя в доме держать. Собачникам отдам сегодня же.

И пошел мыть руки. Глянул на часы:

— А чорт! Как я опоздал! — и побежал в прихожую.

IV

Пудю Ребик всего заслюнявил, он был мокрый и взъерошенный, и как раз поперек живота туго перехватил его папа шнурком. Он висел вниз головой, потому что видно было сверху перехват хвостика, который я там намотал из ниток. Если б отец тогда хорошенько разглядел, так увидал бы все и догадался бы, что это всё не без нас. Да и теперь всё равно могут увидеть. Как станут важному назад отсылать хвостик, начнут его чистить — вдруг нитки.

— Откуда нитки? А уж Ребика всё равно побили...

Я сказал Таньке, чтоб украла у мамы маленькие ногтяные ножнички, улучил время, влез на подоконник и тихонько ножничками обрезал нитки. Все-таки осталось в роде шейки, и я распустил там шерсть, чтоб ничего не было заметно.

Ребик подвывал, подрагивал и всё лизал задние лапы. Мы с Танькой сели к нему на пол и всё его ласкали. Танька приговаривает:

— Ребинька, маленький, били тебя. Бедная моя собака, — и стала реветь.

И я цетом заревел.

— Отдадут, — говорю, — собачникам. Папа сказал, что отдаст! На живодёрню!

И представилось, как придет собачник, накинёт Ребичке петлю и потянет. Как ни упирайся, все равно потянет. А потом так на петле сразмаху — бряк в фургон со всей силы. А там на живодёрне будут резать. Для чего-то там живых режут — мне говорили. Потом мы у Фроськи выпросили мяса. Танька под юбкой мимо мамы пронесла и скормили Ребику. А зачем ему есть? Ведь так только, все равно на живодёрню.

И мы с Танькой говорили:

— Мы за тебя просить будем, мы на коленки станем и будем плакать, чтоб папа не отдавал.

И это всё потому, что Танька выдумала к Варьке подложить Пудю. А Варькина кровать на полу, в углу на бумажном коврикe. Вот Ребик и нанюхал Пудю.

Принесли мы ему пить. Он лакнул два раза и бросил. Танька заревела:

— Он чует, чует!

А я стал ей про живодёрню рассказывать. Я сам не знал, а так прямо говорю.

— Двое держат, а один режет, — и показал на Ребике рукой.

Танька залилась.

— Я скажу, я скажу, что мы! Скажем. Хоть на коленки станем, а скажем.

И все ревет, ревет...

И я сказал:

— Скажем, скажем. Только, чтоб Ребика не отдавали. Не дадим.

И мы так схватились за Ребика, что он взвизгнул.

А время обеда приближалось, и вот уж скоро должен был притти папа со службы. Мама вернулась из города с покупками.

— Не сидите на грязном полу. И не возитесь с собакой, блох напустит.

Мы встали и уселись на подоконнике над Ребичком и все смотрели на дверь в прихожую. Решили, как папа придет, сейчас же просить, а то потом не выйдет. Таньку посылали мыть заплаканную морду. Она скоро: раз-два и сейчас же прибежала и села на место. Я тихонько гладил Ребика ногой, а Танька не доставала.

На стол уж накрыли, свет зажгли и шторы спустили. Только на нашем окне оставили: на шнурке папа повесил Пудю и никто не смел тронуть.

V

Позвонили. Мы знали, что папа. У меня сердце забилося. Я говорю Таньке:

— Как войдет, сейчас на пол, на колени и будем говорить. Только вместе, смотри! А не я один. Говори: папа, прости Ребика, это мы сделали.

Пока я ее учил, уж слышу голоса в прихожей, очень веселые и сейчас же входит важный, а за ним папа.

Важный сделал шаг и стал улыбаться и кланяться. Мама к нему спешила навстречу. Я не знал, как же при важном — и вдруг на колени. И глянул на Таньку. Она моментально прыг с подоконника и сразу бац на коленки и сейчас же в пол головой, вот как старухи молятся. Я соскочил, но никак не мог стать на колени.

Все глядят. Папа брови поднял.

Танька одним духом, скороговоркой:

— Папа, прости Ребика, это мы сделали!

И я тогда скорей сказал за ней:

— Это мы сделали.

Все подошли:

— Что, что такое?

А папа улыбается, как будто бы не знает даже, в чем дело.

А Танька все на коленках и говорит скоро-скоро:

— Папочка! миленький, Ребичка миленького, пожалуйста, миленький, миленького Ребичка... Не надо резать.

Папа взял ее подмышку:

— Встань, встань, дурашка!

А Танька уж ревет — страшная рева — и говорит важному:

— Это мы у вас хвостик оторвали, а не Ребик вовсе.

Важный засмеялся и оглядывается себе за спину:

— Разве у меня хвост был? Ну вот спасибо, если оторвали.

— Да видите ли в чем дело, — говорит папа — и всё очень весело, как при гостях, — собака вдруг притаскивает вот это, — и показал на Пудю. И стал рассказывать.

Я говорю:

— Это мы, мы.

— Это они собаку выгораживают, — говорит мама.

— Ах, милые, — говорит важный и наклонился в Таньке.

Я говорю:

— Вот ей богу мы! Я оторвал! Сам.

Отец вдруг нахмурился и постучал пальцем по столу:

— Зачем врешь?.. и еще божишься...

— Я даже хвостик ему устроил, я сейчас покажу. Я там нитками замотал!

Сунулся к окну и назад. — Я вспомнил, что нитки обрезал.

Отец:

— Покажи, покажи! Моментально!

Важный тоже сделал серьезное лицо. Как хорошо было, все бы прошло.

Теперь из-за ниток этих...

— Яшка, — говорю я, — Яшка рыжий видел, — и чуть не плачу.

А папа крикнул:

— Без всяких Яшек, пожалуйста! Достать! Моментально...

И показал пальцем на Пудю.

Важный уже повернулся боком и стал смотреть на картину. Руки за спину.

Я полез на окно и рвал и кусал зубами узел. А папа кричал:

— Моментально!.. — и держал палец. Таньку мама уткнула в юбку, чтоб не ревела на весь дом.

Я снял Пудю и подал папе.

— Простите, — вдруг обернулся важный, — да от моей ли еще шубы? — и стал вертеть в пальцах Пудю.

— Позвольте, это что же? Что тут за тесемочки?

— Намордничек! — крикнула Танька из маминой юбки.

— Ну вот и ладно, — крикнул важный, засмеялся и схватил Таньку подмышки и стал кружить по полу:

— Тра-бам-бам! Трум-бум-бум! — Ну давайте обедать, — сказала мама.

Уж сколько тут реву было...

— Отвяжи собаку! — сказал папа.

Я отвязал Ребика. Папа взял со стола кусок хлеба и бросил Ребику.

— Пиль!

Но Ребик отскочил, будто в него камнем кинули, поджал хвост и, согнувшись, побежал в кухню.

— Умой поди свою физию, — сказала мама Таньке, и все сели обедать.

Важный Пудю подарил нам. И он у нас долго жил. Я приделал ему ножки из спичек. А Яшке, когда мы играли в снежки, я набил полный рот снегу. Он упал, а я насыл и кормил снегом, пока он не заплакал. А так ему и надо. Пусть знает!

Б. Житков.

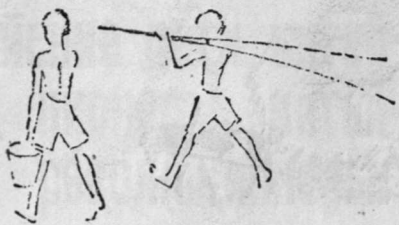
1

Что там за прохожий
 Идет по мостовой?
 Что за краснокожий
 С голой головой?
 Легкая рубашка,
 Короткие штаны,
 На боку баклажка
 С левой стороны.
 Шибко он шагает,
 Ростом невелик,
 Встречному трамваю
 Ехать не велит.

Занял
 Всю дорогу,
 Топают,
 Как слон.
 Слышите, —
 Как много
 У него имен?
 Ванька он
 И Колька,
 Манька он
 И Ольга,
 Ленька
 И Сережка,
 Сонька
 И Матрешка.

А люди говорят —
 Зовут его Отряд.

2

Кто это такой
В поле над рекой
Жарится на солнышке
День-деньской?

Накались плечи
Горячее печи,
Шея
И спина
Чернее
Чугуна.

Где его рубашка,
Где его штаны,
Где его баклажка
С левой стороны?
Вся его одежда —
Жареная кожа,
Только и всего,
И больше ничего.

3

Видишь — за поляной
Город полотняный.
Ветер набежит —
Город задрожит.
Домики косые,
Жители босые —
Ванька и Колька,
Манька и Олька,
Ленька и Сережка,
Сонька и Матрешка,

А люди говорят:
В лагере — Отряд.

4

Взялся он за дело —
Сразу во сто рук,
Так и загудело
На версту вокруг.
Как пошел он на луга
Сено сметывать в стога,
Встрепанное сено,
Сено по колено,
С васильками, с кашкою,
С желтою ромашкою.

Люди говорят —
Работает Отряд.

5

Что это за флот
По реке плывет?
В лодках остроносых —
Голые матросы.
По команде двадцать рук
Опускают весла вдруг,
Загребают
Воду,
Прибавляют
Ходу.

Не зевай, рулевой,
А гляди перед собой.
Языком не мели, —
Будет лодка на мели.

6

Что это за головы
Плавают в реке?
Чьи там руки голые
Машут вдалеке?
Что за суматоха там,
С фырканием и хохотом?

Люди говорят —
Купается Отряд.

С. Маршак.

Китайские дети, китайские пионеры, китайские революционеры.

В Китае революция.

Рабочие и крестьяне борются с генералами и помещиками. Не успеют генералы подавить восстание в одной провинции Китая, революционеры восстают в другой. Генералы казнили тысячи революционеров, выжгли сотни деревень и разрушили целые города. Но рабочие и крестьяне Китая и не думают сдаваться. Они готовятся к новым и новым битвам.

Наш корреспондент Лю-Као прислал нам из Китая несколько снимков.

1. Внизу слева: В рабочем квартале Шанхая после уличного боя.
2. Наверху справа: Дети китайских рабочих за обедом.
3. Справа в середине: Китайские пионеры весной 1927 г.
4. Внизу справа: Китайская Красная гвардия.

ЛЕНИН

СОВНАРКОМ

Ленин был председателем Совнаркома.

„В назначенный час Ленин приходил в зал заседаний Совнаркома. Он садился в кресло и вынимал часы. Если опаздывали он смотрел на пустой зал и спрашивал секретарей: „Где же Совнарком?“.

Секретари отвечали: „Мы три раза предупреждали. Повестки всем вручили“.

Ленин сердился, потому что он дорожил временем для работы и не позволял опаздывать. Он говорил секретарям: „Беспорядок. Не умеете организовать собрание“.

На заседании Совнаркома Ленин слушал доклады Народных Комиссаров. Потом он говорил докладчику:

„Рабочие у нас голодают, из деревни хлеб нейдет. Есть у вас мануфактура для деревни? Есть у вас гвозди? Выделяют у вас заводы плуги для крестьян? Хватает на заводах топлива? Сколько сегодня пришло вагонов с углем для заводов?“.

Докладчик отвечал: „Сегодня пришло столько-то вагонов“.

Тогда Ленин говорил: „Мало. Пустяки. Надо лучше организовать. Если в городе будет мануфактура и гвозди для крестьян, то крестьяне повезут в город хлеб“.

Это было в голодные годы.

Ленин работал до поздней ночи.

Один красноармеец дежурил ночью в Кремле. После дежурства он рассказывал: „Я видел, как Владимир Ильич вышел из своего рабочего кабинета. Он шатался от усталости, и лицо у него было потемневшее от заботы.“

БОЛЕЗНЬ

Товарищи стали вдруг замечать, что Ленин очень устал. Он никогда не жаловался. Иногда только схватится за голову, потрет виски и работает дальше.

Тогда товарищи уговаривали его отдохнуть.

Но ему нельзя было отдыхать. На отдыхе он тревожился о делах присылал то записочку, то письмо, то вопрос.

Он был коренастый, плечистый, крепкий, сильный. Но вдруг у него отнялась рука и нога.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ

В Москве был большой съезд. Приехали крестьяне и рабочие из других стран.

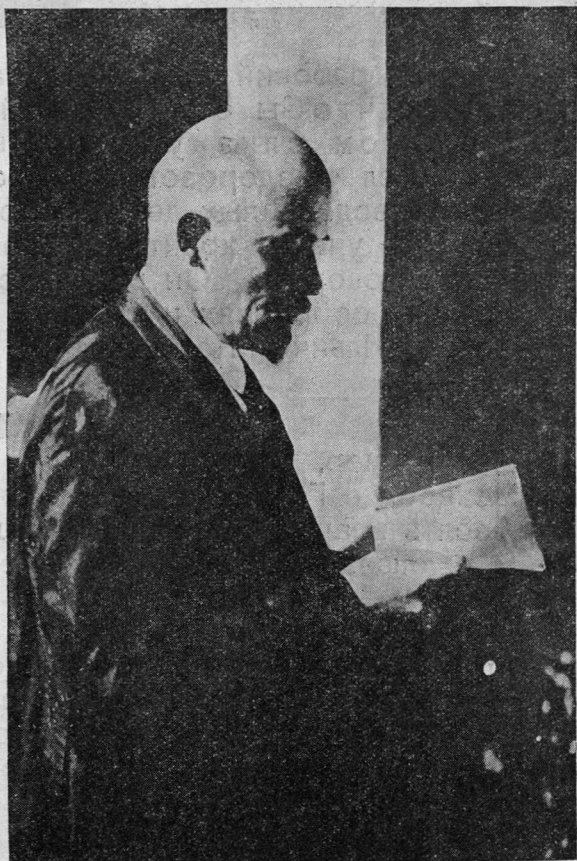
Ленин немного поправился. Он поехал на съезд.

Ему было трудно. Он едва держался на ногах. Он был весь мокрый от пота. Но он все-таки хотел сказать свое слово иностранным товарищам. Он говорил им на немецком языке: „Устраивайте у себя рабоче-крестьянскую власть. Готовьтесь. Не торопитесь. Копите силы. Мы вас поддержим. Надеемся на нас. У нас крепкие плечи.“

На той же неделе он пошел в Московский Совет. Это было в последний раз. Рука и нога опять отнялись. Он не смог больше писать. Но он мог еще говорить.

Один из товарищей записывал скорописью его слова. Один раз товарищ записал о кооперативной торговле, а в другой раз записал о том, как улучшить жизнь школьных учителей.

Но вдруг у Ленина отнялся язык. Больше ничего он не мог сказать. Его увезли в Горки, за 30 верст от Москвы.

ГОРКИ

Никогда у него не было времени долго жить на отдыхе. А теперь пришлось ему отдыхать целые дни, пришлось ему ездить в лес на прогулки и смотреть как играют щенки.

Товарищи приезжали из Москвы и, чтобы не тревожить его, смотрели издали в щелку. Его возили по саду в плетеном кресле на колесиках. Рука лежала без жизни на колене. Вместо „здравствуйте“, он говорил: „Вот - вот - вот“. Когда кто-нибудь приходил, он улыбался ласково и снимал здоровой рукой шапку с головы.

Старый рабочий говорил товарищам: „Мы всю дорогу выравнивали, чтобы ему спокойно было ездить, все равно, как языком слизнули. Только бы выздоровел Ильич“.

Он хотел выздороветь. Никто как он не знал как много еще осталось несделанных дел. Он торопился... Он учился писать левой рукой. Он учился ходить по лестнице. Надежда Константиновна учила его говорить. Он радовался, когда выговаривал новое слово.

На всех собраниях и съездах все спрашивали: „Скоро ли выздоровеет Ильич? Как здоровье Ильича?“

УМЕР

Но он умер.

Вечером в Горках, зимой, в сильный мороз, он умер.

Десять врачей вскрыли его тело.

Все оказалось здоровое, крепкое, прочное. Только мозг был разрушен.

От большой мозговой работы износились те сосуды и трубочки, которые несли кровь к его голове. Они затвердели и утолстились, От слишком большой усталости стали негодными.

Врачи взяли один кусочек кровеносной трубочки и посмотрели на свет: света не было видно, трубочка была как веревка, кровь не могла в ней течь.

Мозг его был разрушен, как у древнего старика. А жил он только 54 года.

ПАРОВОЗ НОМЕР 127

Старые товарищи Ленина приехали из Москвы за его телом. Он лежал на столе в красном гробу. Дверь была открыта на холод.

На нем была зеленая куртка. К груди был приколот орден красного знамени.

При жизни он не носил ордена.

Руки лежали на куртке.

Гроб вынесли. Снежная пушинка упала на его лицо. Гроб накрыли стеклянной крышкой.

Товарищи понесли его на руках. До станции было 7 верст. Впереди ехал крестьянин на розвальнях и посыпал ельником путь в снежном поле.

Кругом на холмах стояли крестьяне, бабы и ребятишки, — смотрели на красный гроб в снегах — провожали Ленина.

Венки на гробу были простые деревенские, из сосновых веток.

На станции стоял готовый поезд Рязано-Уральской железной дороги, а в голове поезда — паровоз номер 127. Этот паровоз был у Рязано-Уральской дороги — лучший.

На паровозе стоял механик. Он 19 лет работал на железной дороге. Он хорошо знал работу. Но когда он взялся рукой за рычаг и повел поезд с телом Ленина, он сказал: „Еще никогда не было у меня такого волнения“.

Поезд отошел от станции Герасимово и пошел к Москве. В Москве его ждали на Павелецком вокзале.

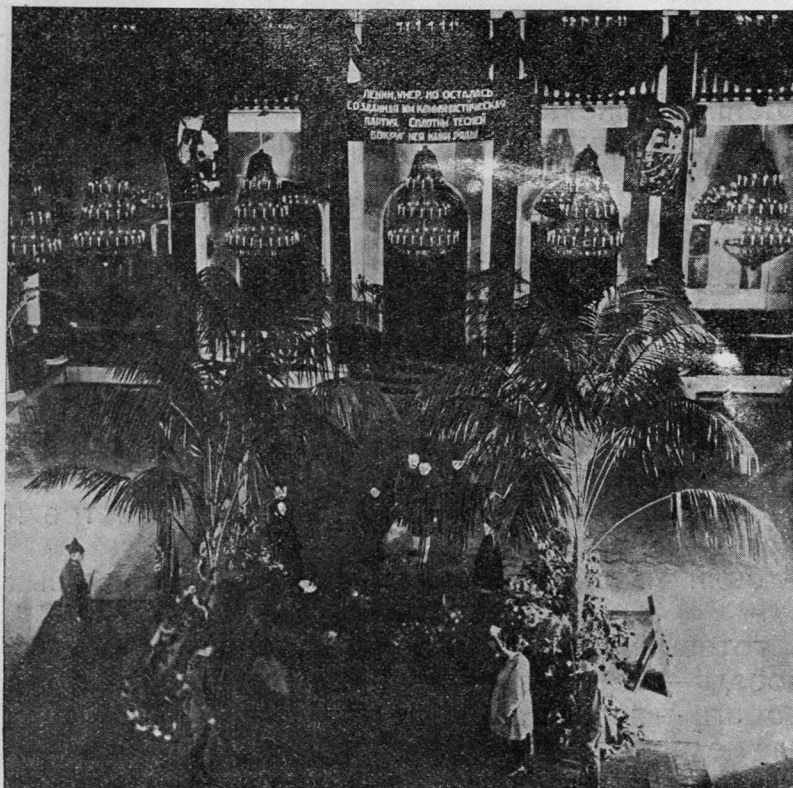
ДОМ СОЮЗОВ

Некоторые дети думали, что тело Ленина повезут по Москве в золотой карете, но на самом деле его несли на руках старые товарищи.

Они принесли гроб Ленина в Дом Союзов и поставили его в большом Колонном зале.

При жизни Ленин говорил речи в этом зале на собраниях и съездах.

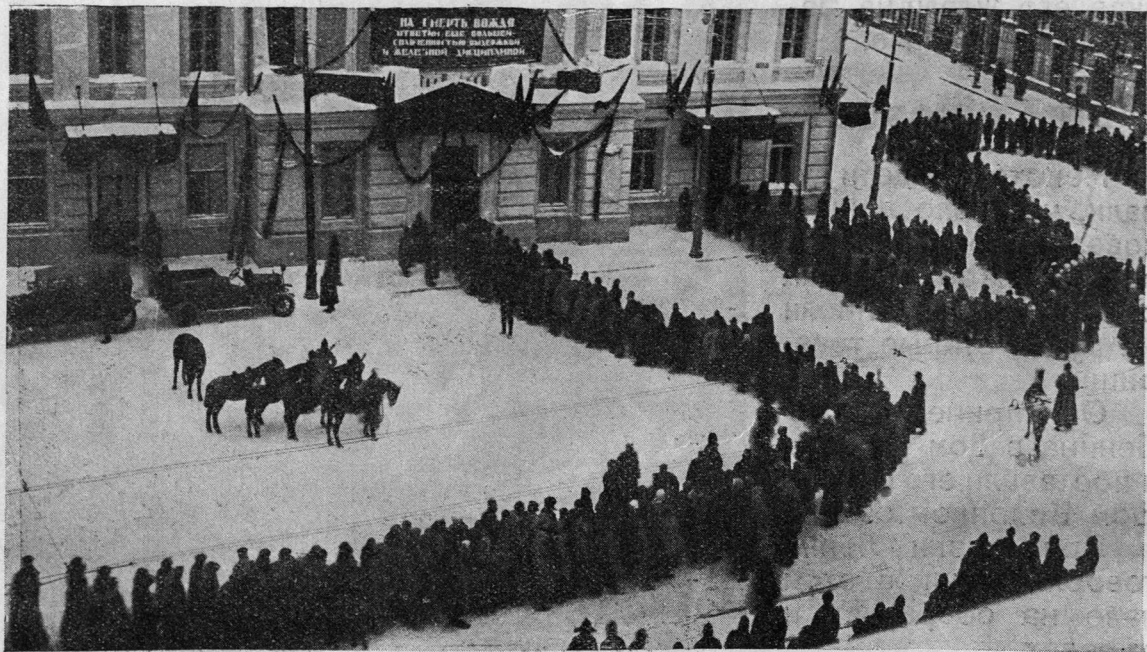
Гроб стоял на возвышении. Он был обит красным сукном. Возле него стояло 4 пальмовых дерева. Стены были закрыты черными и красными знаменами, на знаменах были вышиты серпы и молоты и красные звезды. Кругом лежали горой венки.

Возле гроба стоял почетный караул на часах. Каждый стоял в карауле 10 минут, в последний раз возле Ленина. В газетах были напечатаны списки, кому в какие минуты стоять.

Играла тихо похоронная музыка, и день и ночь, 4 дня и 4 ночи, шли очередь с улицы все, кто хотел с ним попрощаться.

Ничего не говорили, тихо шли мимо гроба, в гробу лежал Ленин, умерший вождь.

Анна Гринберг.

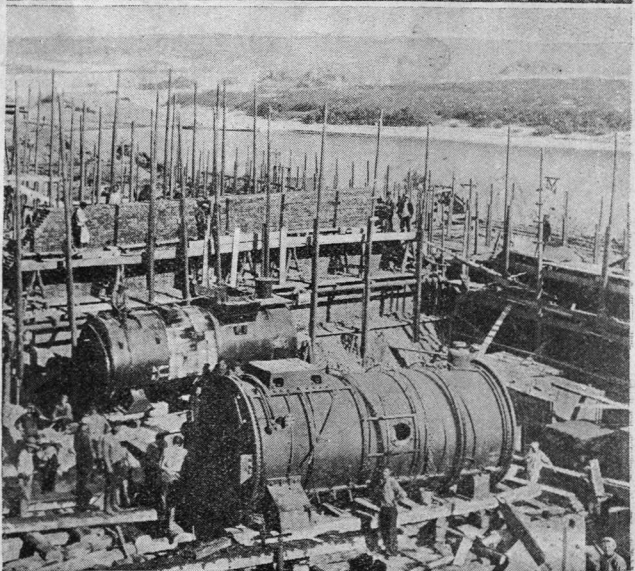
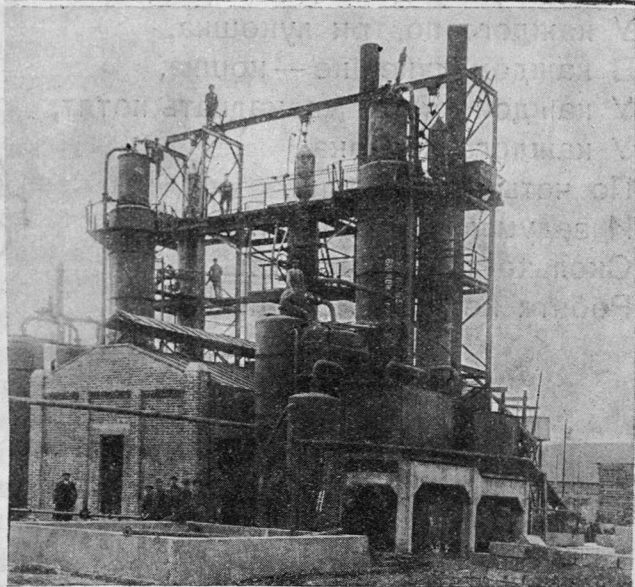
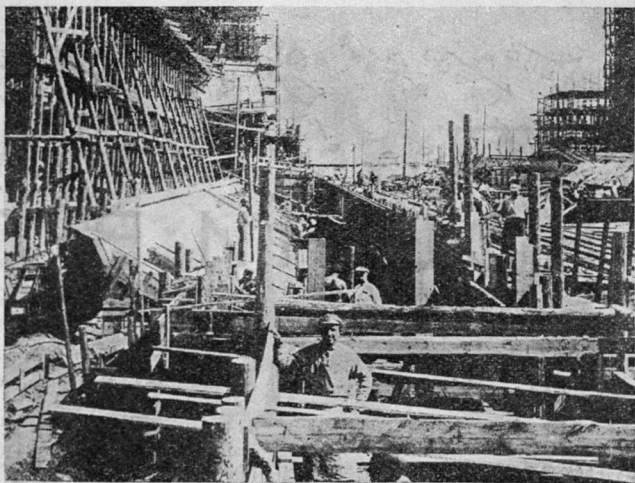
Что, где, как строится.

Если нефть потихоньку нагревать, то от нее пойдет легкий пар. Этот пар пускают по трубам и остужают. Из труб начинает капать прозрачная, как вода, жидкость. Это — бензин. На фотографии (посередине справа) снята постройка завода в г. Грозном, где устанавливают баки. По этим бакам будут гнать пары нефти, чтобы добыть бензин.

Если каменный уголь положить в железные баки и тоже нагревать, как нефть, только покрепче, то тоже пойдет горячий пар. Это — светильный газ. Его по трубкам проводят в дома и зажигают для освещения. А от нагретого угля останется легкая хрупкая губка, — каменная губка. Это — кокс. Кокс горит страшно жарко. — до 1500 градусов жару его пламя.

Этот кокс очень ценят, кому приходится плавить железо. Поэтому его развозят по заводам, и вот на фотографии (сверху справа) снята постройка: в Горловке, в Донецком бассейне строят платформы, чтобы поудобней и поскорей послать на железные заводы кокс, где его только и ждут.

На реке Днепре ставят плотину. У плотины поставят особого устройства мельницу: она будет вертеть машину, которая будет вырабатывать электричество. А электричеством будут работать заводы под Киевом, будут освещаться города и деревни. Эта постройка называется Днепрострой. Но чтобы вести эту постройку, оказывается, тоже нужно электричество. Откуда же взять электричество, пока мельница не готова? Чем же крутить электрическую машину? Решили вертеть паром. Пар получается в больших котлах и по трубе идет в паровую машину. Котлы эти не похожи на кухонные. Это — огромные круглые железные коробки. Вот их привезли на Днепрострой (смотри фотографию внизу справа). Теперь их установят и под ними устроят печку.

КОШКИ В ЛУКОШКЕ

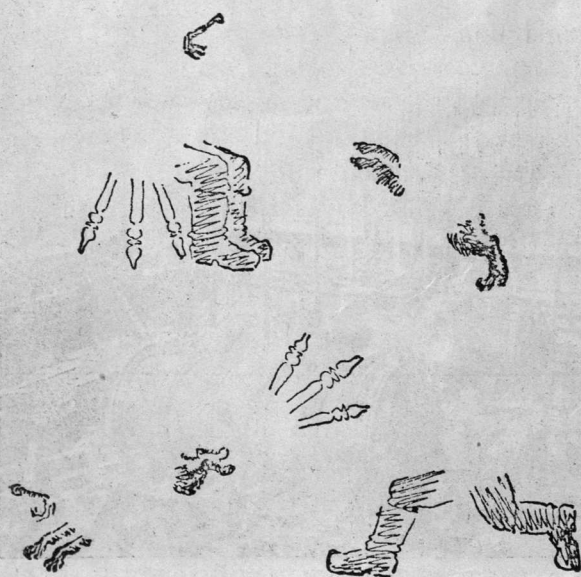
Шел Кондрат
В Ленинград,

А навстречу двенадцать ребят.
У каждого по три лукошка,
В каждом лукошке — кошка,
У каждой кошки двенадцать котят,
У каждого котенка
По четыре мышонка.
И задумался старый Кондрат:
Сколько мышат и котят
Ребята несут в Ленинград.

РАЗГАДКУ СМОТРИ НА СТР. 27.

ДВЕ НОГИ НА ТРЁХ НОГАХ

Две ноги на трех ногах
А четвертая в зубах.
Вдруг четыре прибежали
И с одной ускакали.
Подскочили две ноги,
Ухватили три ноги,
Закричали на весь дом
Да тремя по четверем.
Но четыре завизжали
И с одной убежали.

К. Чуковский.

РАЗГАДКУ ИЩИ НА РИСУНКЕ СЛЕВА.

В ЛЕСУ ЗИМОЙ

Лось. — Заячье житье. — Лиса и волки. — Берлога.

В лесу, засыпанном снегом, совсем нечего есть, и голод гонит зверье к человеку.

Там у жилья на зиму есть разные запасы. Там можно кое-чем поживиться.

ЛОСЬ

К стогам сена, поставленным на лугу, выходят из леса огромные бурые лоси. У быка-лося широкие тяжелые рога и борода, как у козла; безрогая и безбородая лосиха называется коровой, лосенок — теленком, но лоси не смотря на их рога и бороды больше похожи на лошадей, чем на рогатый скот. Лоси бегают очень быстро, а если нападают на них волки, то рогац-лось только пугает их, размахивая рогами, дерется же очень сильно передними копытами.

Стога сена лоси отыскивают по запаху: они чувствуют его удивительно далеко.

В первый раз к стогу лоси выходят почти затемно, на заре, осторожно крадутся, осматриваясь, и, чутко поводя ушами, прислушиваются. Если их не отгугнут, они приходят к стогу и днем. А стоянка у них в лесу — обычно на маленькой поляне, густо окруженной деревьями.

ЗАЯЧЬЕ ЖИТЬЕ

С осени заяц грызет в лесу вершины поваленных осин, молодые побеги берез. Когда они огрубеют от мороза, засыплет их снегом, тогда пушистый плут тоже идет к стогу, иногда он устраивает себе там норку, закапываясь спать в сено. Так делает заяц-беляк, зимой белый как снег. У русака спина и голова остаются бурыми и на зиму.

Русак смело пробирается в огород, гложет там сладковатую кору молодых яблонь, выкапывает оставшиеся кочерыжки капусты. Он лазит на гумно, подбирает ржаные, овсяные колосья... Он почти всегда толст, упитан, иногда жирен. От собаки он задает стрелача через поля по дорогам, а ночью опять является к человеческому жилищу за добычей.

Беляк явиться на гумно не осмелится никогда. Трусипка, с голода выбежав из леса, поищет, покопает на озимом поле — нет, глубокий снег, замерзла земля... И бежит зайчишка опять в лес. Там он грызет только мерзлые тонкие веточки. Оттого беляк почти всегда худощав, а жирным не бывает никогда.

ВОРОВСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

Лиса и волк, конечно, знают, как им опасен человек, и все-таки идут зимой к селениям.

С осени в лесу еще бывают птицы, зайцы, подраненные охотниками и успевшие от них спрятаться. Иногда выводятся тетерева и утки с кривыми крыльями, как то часто случается у домашних птиц, — таких подранков и калек хищники обычно подбирают еще до сильных холодов.

А зимняя птица осторожна, никак к ней не подбаться. Затем по снегу догнать очень трудно. И хищники днем дрожат в лесу, кое-как отлеживаясь в сугробах, а ночью или на зорьке идут к жилью, шнырят по проезжим дорогам.

Волки идут не иначе, как стаей, лисица всегда одна.

Не высунется ли кошка из избы, не пробежит ли по деревне неопытная собачонка? Котенка, курицу, едва успевшую слететь с насести, подхватит лисица. Собаку поймают волки. И скорей в лес, спрятаться под ветвями, осыпанными снегом!

А голод опять гонит и приходится вновь бродить по дорогам, около жилищ.

В снегу на поле иногда лежит рыбка, на кусте висит примерзшая птичка. Осторожная хитрая лисица понимает, что тут дело неспроста, но с голода не выдерживает, хватается приманку и часто гибнет: в рыбке, в птичке была отрав.

На волчьей тропе ставятся капканы. Их закрывают ветками, снегом, а волков пугают, чтобы они бежали скорей. Второпях волк бежит без обычной осторожности, не оглядывая свой каждый шаг... Хлоп! Стальные челюсти капкана сомкнулись, крепко держат лапу.

А то павшую корову или лошадь вывозят в перелесок. Волки, найдя падаль и привыкнув, что около нее никого нет, начинают ее есть... Тогда из шалаша, из-за смежной кучи, вдруг гремят выстрелы: засада!

Знает зверье все эти опасности, а делать нечего, голод гонит к человеку.

БЕРЛОГА

Медведь человека не ищет никогда. Но человек зимой идет за медвежьей шубой.

Медведь в это время спит в берлоге, глубокой яме, найденной им с лета. Яму, закрытую ветвями, поваленным деревом, заносит снегом так, что через нее можно пройти, не заметив, что тут берлога. Ее отыскивают с собаками или подсмотрев с осени, как медведь в нее ложится. Он спит крепко. В берлогу просовывают шест и толкают им медведя. Он рычит, иногда ломает шест, встает неохотно, но, видя, что его не оставляют в покое, высовывает голову из берлоги, собираясь выйти: тут его стреляют. Иногда он выскакивает и убегает. В берлогу он не возвращается и бродит по лесу, где есть ему нечего и спать негде. Без еды он мог бы проспать, не двигаясь всю зиму. Когда приходится лазить по снегу, надо есть, а еды нет. Такого медведя, лишенного пристанища, зовут шатуном. И пошатавшись по сугробам, не промышлив ничего, бедняга-шатун, случается, околевает с голода. Бывает с таким и хуже: на исхудавшего, ослабевшего без корма медведя нападают волки, и после ожесточенной грызни от шатуна остаются только клочки шерсти — не попадайся и медведь на волчью расправу в лесу зимой.

Лесник.

КОШКИ В ЛУКОШКЕ

ОТГАДКА

Глупый, глупый Кондрат.
Он один и шагал в Ленинград,
А ребята с лукошками
Мышами и кошками
Шли навстречу ему —
В Кострому.

К. Чуковский.

ИВАН ИВАНЫЧ САМОВАР

Иван Иванович Самовар
Был пузатый самовар,
Трехведерный самовар.

В нем качался кипяток,
Пыхтал паром кипяток,
Разъяренный кипяток.
Лился в чашку через кран,
Через дырку прямо в кран,
Прямо в чашку через кран.

Утром рано подошел,
К самовару подошел
Дядя Петя подошел.

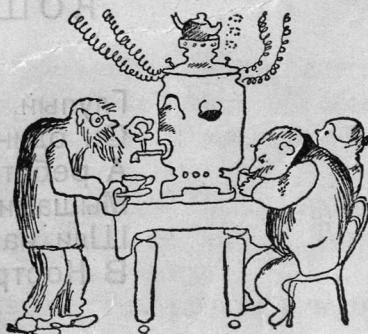
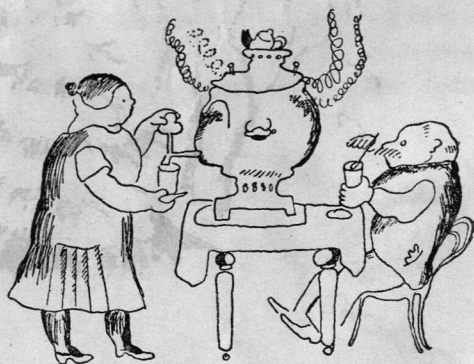
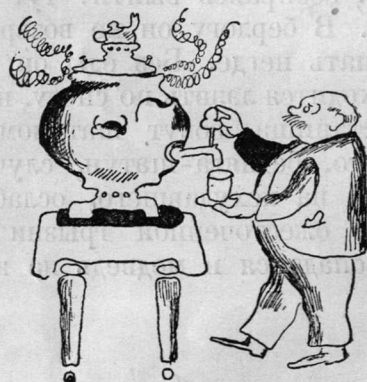
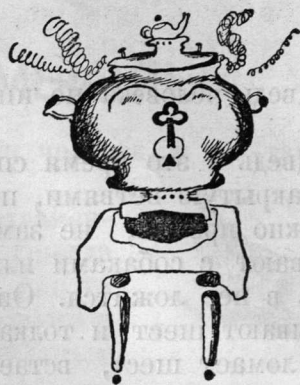
Дядя Петя говорит:
„Дай-ка выпью, говорит,
Выпью чаю“, говорит.

К самовару подошла,
Тетя Катя подошла,
Со стаканом подошла.

Тетя Катя говорит:
„Я, конечно, говорит,
Выпью тоже“, говорит.

Тут и дедушка пришел,
Очень старенький пришел,
В туфлях дедушка пришел.

Он зевнул и говорит:
„Выпить разве“, говорит,
Чаю разве“, говорит.

Вот и бабушка пришла,
Очень старая пришла,
Даже с палочкой пришла.

И подумав говорит:
„Что ли выпить, говорит,
Что ли чаю“, говорит.

Вдруг девчонка прибежала,
К самовару прибежала,
Это внучка прибежала.

„Наливайте, говорит,
Чашку чаю“, говорит,
„Мне послаще“, говорит.

Тут и Жучка прибежала,
С кошкой Муркой прибежала,
К самовару прибежала,

Чтоб им дали с молоком,
Кипяточку с молоком,
С кипяченым молоком.

Вдруг Серёжа приходил,
Всех он позже приходил,
Неумытый приходил.

„Подавайте, говорит,
Чашку чаю, говорит,
Мне побольше“, говорит.

Наклоняли, наклоняли,
Наклонгли самовар,
Но оттуда выбивался
Только пар, пар, пар,

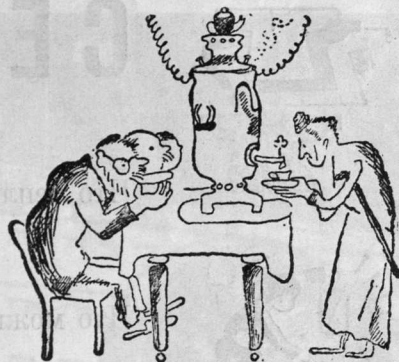
Наклоняли самовар,
Будто шкаф, шкаф, шкаф,
Но оттуда выходило
Только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иванович,
На столе Иван Иванович,
Золотой Иван Иванович

Кипяточку не дает,
Опоздавшим не дает,
Лежебокам не дает

ВСЁ.

Д. Хармс.

СЕМЬ ЗАГАДОК

Первая загадка.

Что теплее: три рубашки или рубашка тройной толщины?

Вторая загадка.

Что можно увидеть днем с огнем?

Третья загадка.

Есть ли у вас в комнате вещи, сделанные из песка?

Четвертая загадка.

Чем оконное стекло похоже на мыльный пузырь?

Пятая загадка.

Сырая картошка — внутри мокрая, из нее можно выжать воду. А вареная — сухая, хотя и варилась в воде. Почему картошка выходит сухой из воды?

Шестая загадка.

На что годится ржавчина?

Седьмая загадка.

Чем склеено мясо?

Это загадки, а разгадки напечатаны на последней странице. Только вы не торопитесь заглядывать в отгадки, а попробуйте сами разгадать.

ОТГАДАЙ!

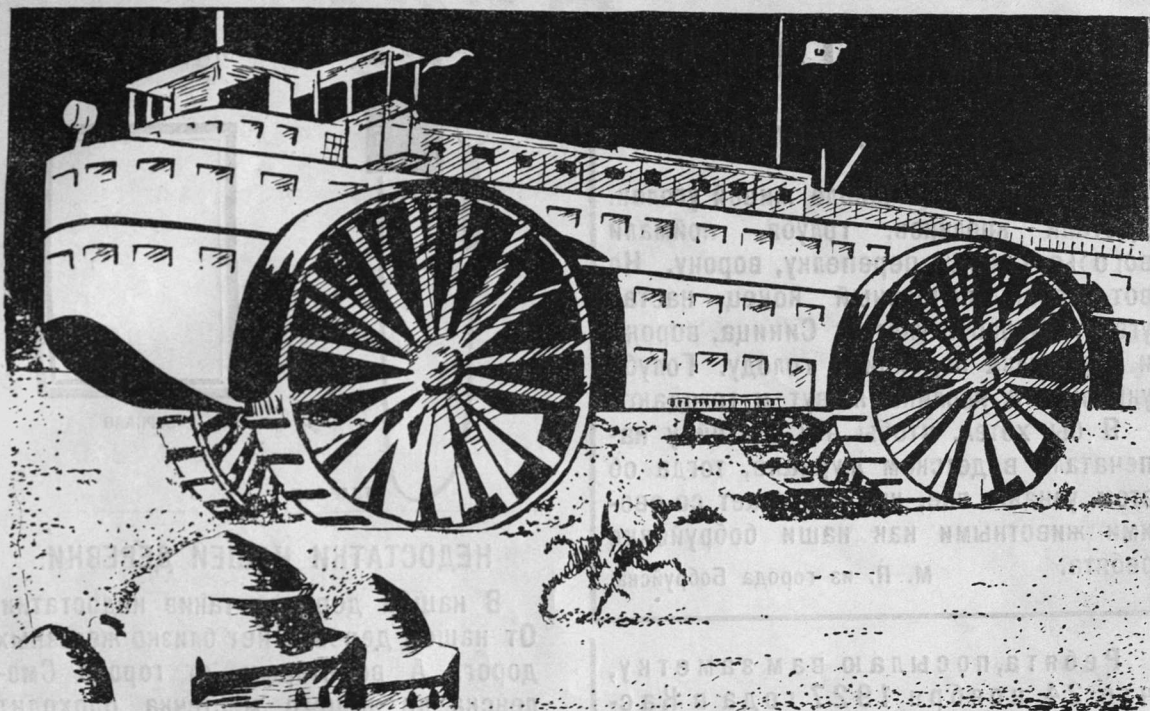
На стене шнурок,
По шнурку говорок.

С. Федорченко.

Брат видит брата
Хват — хвата
Отец — отца
Молодец — молодца

А. Насимович.

РАЗГАДКИ (см. стр. 32)

КОРАБЛЬ НА КОЛЕСАХ

Во всех странах мира мчатся теперь поезда, летят по шоссе автомобили, стрекочут, словно кузнечики, мотоциклетки. А в пустыне Сахаре, занимающей чуть ли не половину Африки, попрежнему ковыляют, раскачиваясь, старые „корабли пустыни“ — верблюды.

Но скоро и Сахару пересекут стальные рельсы. Скоро и в Сахаре загудят автомобильные гудки. Недавно пустыню пересекал невиданный караван, — караван автомобилей.

Автомобили эти были построены не для обыкновенных дорог, а для песков Сахары. Вместо колес у них были гусеницы, как у некоторых тракторов. Гусеничные автомобили не вязнут в песке, а идут поверху — словно на лыжах. Путешествие было очень трудное. Мелкий песок попадал в моторы и портил их. В тесном автомобиле было душно и неудобно.

Недавно немецкий инженер Бишофф предложил построить огромный автомобиль, который и вправду был бы кораблем пустыни.

Это четырехэтажный дом, поставленный на громадные колеса. Внутри — каюты на 250 человек, столовые, залы, ванные, кухни.

Наверху палуба, закрытая от солнца парусиновой крышей, и капитанский мостик. Машинное отделение помещено в самом низу — между передними колесами. Длина корабля — 60 метров, а скорость — 20 километров в час.

По вечерам яркий прожектор будет освещать путь кораблю. Шум моторов будет раздаваться посреди пустыни, где недавно еще проходил караван и уныло звякал колокольчик на шее верблюда.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

НАШ ЖИВОЙ УГОЛОК.

Мы устроили в школе живой уголок. Достали кроликов, голубя, поймали воробья, синицу, перепелку, ворону. Но вот какой печальный конец настал уголку. Воробей улетел. Синица, ворона и перепелка подошли с голоду. Голубя украли. А кролики живут и голодают.

Я бы хотел, чтобы эту статейку напечатали в детском журнале, тогда об этом узнают все, кто поступает со своими животными как наши бобруйские ребята.

М. П. из города Бобруйска.

Ребята, посылаю вам заметку, что 24 ноября 1927 года в Каспийском море была беда.

Ребята, ловцы Астраханской губернии, выехали ловить рыбу в Каспийское море. Но не успели поймать рыбы, как поднялся ураган, и ловцам настала смерть. Но для спасения выслали с берега пароходы. Все-таки несколько рыбацких шхун (это лодки) утонуло. И утонуло много ловцов.

Вот что в Каспийском море случилось.

С. О.

ВОПРОС:

„ЕЖ“! Почему в этом номере нет ни слова про нас? Почему ничего не напечатано про то, как живут октябрята дома, что случилось в группе, кто опаздывает на сбор, какие новости в школе. Нас 300 000!!!

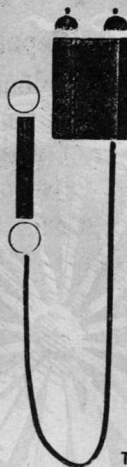
Октябрята.

ОТВЕТ:

А вы мне писали? Напишите—напечатаю.

„ЕЖ“.

ОТГАДКИ (см. стр. 30)

ТЕЛЕФОН

ЗЕРКАЛО

НЕДОСТАТКИ НАШЕЙ ДЕРЕВНИ.

В нашей деревне такие недостатки. От нашей деревни нет близко железных дорог. А во-вторых, от города Смоленска до нашего местечка проходит Старо-Киевский большак.

На этом большаке встречается много речек, а ни на одной речке нет моста.

К. П. Е.

Школа в деревне Еловцы в Смоленской губернии.

ПРО РЫБИЙ ЖИР

Если заедать черным хлебом, то рыбий жир похож на вкус на маленькую рыбку шпрот. Родители любят, чтобы дети его пили, потому что от рыбьего жира они станут здоровые и румяные. Рыбий жир делается из рыбы трески. Рыбий жир пить нужно, но приятней все-таки его не пить. Рыбий жир продается в бутылочках по 100 граммов за 35 копеек.

М. С

ОТ РЕДАКЦИИ. Все письма для журнала „Еж“ нужно посылать по адресу:

Ленинград. Ленотгиз или Москва. Софийка. Госиздат.

В редакцию „Ежа“.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Н. Венгров, В. Лебедев, А. Лебедеенко, С. Маршак, Н. Олейников, И. Разин, Смирнов, Е. Шварц.

ОТВЕТСТВ. РЕДАКТОР: Н. Венгров.

РАЗГАДКИ

Первая.

Дело не столько в самих рубашках, сколько в воздухе, который находится между рубашками. Воздух плохо пропускает тепло. Чем больше воздуха между рубашками, тем толще воздушное платье, защищающее наше тело от воздуха.

Три рубашки — это три воздушных платья. А одна, хоть и толстая, это только одно воздушное платье.

Вторая.

Зажгите в солнечный день свечу и поставьте ее на окно. На подоконнике вы увидите тень огня, а вокруг нее струящуюся тень воздуха.

Тень огня и тень воздуха — вот какие удивительные вещи можно увидеть днем с огнем.

Третья.

Вещей из песка в комнате сколько угодно.

Оконное стекло, стакан, чернильница. Все это из стекла, а стекло делают из песка с прибавкой соды и мела.

Четвертая.

Стеклянные вещи большей частью выдувают, как мыльные пузыри. И не только бутылки или рюмки, а даже плоское оконное стекло. Наберут железной трубкой немного расплавленного стекла и дуют. А потом принимают трубку махать, пока пузырь не вытянется в колбасу. Колбасу обрезают по краям, распарывают вдоль и разглаживают в лист.

Пятая.

В картошке много крахмала. Во время варки крахмальные зерна разбухают, втягивают в себя воду. Вода, значит, вся в крахмальные зерна спряталась.

Шестая.

Шел я по улице. Вижу — грузовик едет, а на грузовике ржавое железо, всякий железный лом.

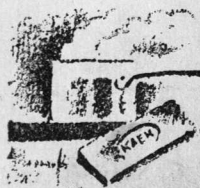
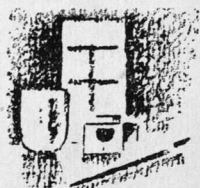
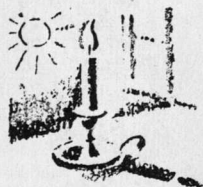
„На что, думаю, им этот хлам?“

Пошел за грузовиком. Въехал он во двор большого завода. Железный лом подняли наверх и бросили в огромную печь.

Спрашиваю рабочих: „Вы, что, все это железо сжечь хотите?“ А они смеются. „Зачем сжигать. Мы из него сталь выплавим, а из стали сделаем рельсы для железной дороги, станки, машины“.

Седьмая.

Столярным клеем — вот чем склеено мясо. Если мясо долго варить, клей в воде растворяется, волокна расклеиваются. Столярный клей так и добывают. Только варят не мясо, а кости. Получается студень. Этот студень сушат и режут на куски.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1928 г.

На новый ежемесячный журнал для детей младшего школьного возраста

ЁЖ

ОРГАН ЦБ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ И ГЛАВСОЦВОСА

В журнале будут помещены:

1. Повести, рассказы и стихи лучших современных писателей. 2. Ящик фокусов, игр, загадок. 3. Клуб читателей. 4. Календарь Октябрянка.	5. Лесная газета. 6. Письма с поезда, с корабля и др. 7. Фототелеграммы. 8. „КУР“ — Кружок умных ребят. 9. Ежевые рукавицы.

Годовым и полугодовым подписчикам „ЁЖ“ дает приложения:

1. КНИГА для детей младшего возраста с многочисленными иллюстрациями. 2. ТЕАТР. Большой лист для вырезывания и склеивания. Лист I. „Приключения в деревне“. (За лучший сценарий к вырезанным и склеенным фигурам и декорациям будут даны премии.) 3. СБОРНИК РАССКАЗОВ И СТИХОВ для детей младшего возраста. 4. ТЕАТР. Лист II. „Приключения в городе“. 5. „САМОДЕЛКИ“. Книга о том, как самому сделать аэроплан, буэр и т. п.	6. ТЕАТР. Лист III. „Приключения в Африке“. 7. СБОРНИК РАССКАЗОВ И СТИХОВ для детей среднего возраста. 8. НОВЫЙ ГОРОД. Большие листы для вырезывания и склеивания. Макеты домов, мостов, аэростанций и пр. За лучшую планировку вырезанных и склеенных зданий будут даны премии. 9. 100 000. „ПОЧЕМУ“ — книга вопросов и ответов. 10. НОВЫЙ ГОРОД. Лист II. 11. КНИГА для детей среднего возраста. 12. НОВЫЙ ГОРОД. Лист III.

Привлекаются к участию в журнале „ЁЖ“:

Писатели: Р. Акульшин, Н. Асеев, А. Барто, А. Безыменский, Г. Белых, В. Бианки, С. Богданович, Н. Богданов, В. Борисовский, Л. Будогодская, Е. Бывалов, А. Введенский, Н. Венгров, Л. Веприцкая, М. Гершензон, М. Горький, А. Гринберг, Е. Гуро, О. Гурия, А. Жаров, Б. Житков, М. Зощенко, Н. Заболоцкий, М. Зилов, М. Ильин, В. Инбер, А. Исбах, В. Кузин, М. Крицкий, Е. Ланн, С. Маршак, В. Маяковский, Я. Мексин, И. Мукосеев, А. Насимович, Г. Никифоров, Н. Олейников, Л. Пантелеев, О. Перовская, Н. Плавильщиков, Е. Полонская, М. Пришвин, И. Пуни, М. Светлов, А. Свирский, Н. Серафимович, А. Слонимский, Н. Тихонов, А. Толстой, К. Федин, С. Федорченко, Д. Хармс, К. Чуковский, Н. Чуковский, В. Шаронов, Е. Шварц, Е. Шестаков, Р. Энгель и др.

Художники: Л. Бруни, В. Ватагин, М. Генке, Д. Горлов, В. Ермолова, А. Ефимова, Г. Еченетов, Л. Жолткевич, В. Конашевич, А. Кравченко, Н. Купреянов, Н. Лапшин, В. Лебедев, А. Львов, П. Митурич, А. Пахомов, Л. Попова, А. Самохвалов, Е. Сафонова, П. Соколов, В. Татлин, Н. Тырса, М. Цехановский, Н. Шифрин, Т. Шишмарева, Е. Эвенбах и др.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Без приложения:				С приложением:			
Цена на 1 год	— 3	р.	60 коп.	Цена на 1 год	— 5	руб.	
„ „ 6 мес.	— 2	„	—	„ „ 6 мес.	— 2	„	75 коп.
„ „ 3 „	— 1	„		„ „ 3 „	— 1	„	40 „
„ „ 1 „			35 „	„ „ 1 „	—		50 „

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Ленинград, Пр. 25 Октября, Ленотгиз. Москва, Рождественка 4, Гл. контора подп. и пер. изд.

Во все провинциальные отделения, филиалы и магазины ГИЗа, почтово-телеграфные конторы, киоски контрагентств печати, а также уполномоченным, снабженным удостоверениями.